

На съемочной площадке Чи У, наконец, оправился от простуды и лихорадки. Он про себя отметил, что выздоровел как нельзя вовремя: задержись болезнь еще хоть немного, пришлось бы играть через силу, а потом еще и корчить из себя героя, изображая невероятное трудолюбие.

Чи У посмотрел на Фу Шицзина, который в фартуке возился на кухне, готовя завтрак. В голове само собой всплыло слово хозяйственный. Это было странно, даже жутко — с чего бы ему приходить на ум? Чи У помотал головой, пытаясь отогнать нелепые мысли.

Фу Шицзин, обернувшись за тарелкой с кинзой, заметил Чи У, который неизвестно когда подошел к нему со спины. Сонное лицо, покрасневшее от сна, выглядело донельзя милым.

— Проголодался? Сейчас всё будет готово.

Взгляд Фу Шицзина скользнул ниже и наткнулся на босые ноги Чи У, ступающие по холодному полу. Не говоря ни слова, он подхватил его на руки, усадил на диван и надел на него носки.

Наблюдая за этими привычными движениями, Чи У поймал себя на мысли, что за время болезни Фу Шицзин окончательно его разбаловал. Наверняка делает это нарочно, чтобы превратить его в беспомощного калеку, а потом бросить. Какой же коварный тип.

— Коварный... — Чи У не ожидал, что его мысли вырвутся вслух.

Осознав это, он прикрыл рот рукой, но Фу Шицзин всё услышал.

— Что?

Чи У виновато покачал головой. Фу Шицзин не стал допытываться, перенес его на стул у обеденного стола и принялся накладывать кашу.

Фу Шицзин постоянно менял меню, пытаясь угодить Чи У: от китайской кухни до западной. В конце концов, он опытным путем выяснил, что Чи У любит только каши да молоко, а к остальному почти не притрагивается. Манты для него слишком сухие, обжаренное тесто — жесткое, булочки — жирные, хлеб — сухой, а десерты — приторные. Фу Шицзин давно знал о такой привередливости Чи У.

Но в те долгие дни, что они жили вместе, завтраки готовил Чи У, комнату убирал Чи У, и даже одежду для Фу Шицзина на следующий день подбирал Чи У. Раньше он принимал это как должное, а теперь понял, сколько хлопот доставляют эти мелочи. Как Чи У вообще терпел его такую капризность? Фу Шицзин не решался даже думать об этом, но поклялся, что больше не допустит, чтобы Чи У пришлось терпеть хоть какие-то обиды.

Чи У пил мясную кашу, чувствуя, как разливается по телу тепло, и вспомнил вопрос, который

хотел задать уже давно:

— Фу Шицзин, если ты возьмешь такой длинный отпуск, профессор не рассердится?

— Я не брал отпуск. Скорее всего, я туда больше не вернусь.

Чи У резко поднял голову:

— Что?

— Я нашел коллегу, который продолжит мое исследование. Думаю, если не случится ничего непредвиденного, я больше не буду им заниматься. А в университете... я просто оказал профессору услугу, на мое место уже взяли молодого преподавателя.

Чи У застыл. Фу Шицзин всегда ценил этот эксперимент больше, чем самого себя, а тут просто взял и бросил.

— Ты же так долго этим занимался. Почему решил прекратить?

— Хочу оставить больше времени для тебя.

Несмотря на то, что он произносил такие нежные слова, выражение его лица оставалось всё таким же холодным. Чи У, не в силах сдержать сердцебиение, опустил голову. Он никогда не мог устоять перед случайными признаниями Фу Шицзина, и этот раз не стал исключением.

Фу Шицзин смотрел на юношу перед собой, чей румянец дошел до самых кончиков ушей, и уголки его губ едва заметно дрогнули. Его Чи-Чи... было бы здорово, если бы он всегда оставался таким.

После открытия съемок Чи У сразу отправился на площадку. В сценарии он играл злодея, роль была небольшой, но важной, и так как режиссер не сообщил точное время съемок, ему приходилось с самого утра сидеть и ждать.

Место съемок находилось у озера, навесов от солнца было мало. Чи У, учитывая его статус, с трудом удалось отвоевать себе крошечный уголок, но многие актеры массовки оставались под палящим тридцатиградным солнцем.

Озерная вода казалась прозрачной, но была очень глубокой. Чи У помнил, что по сценарию его ждет сцена падения в воду, причем падения со скалы. Так как реальной скалы на месте не было, скорее всего, позже используют зеленый экран. Но прыжок в озеро всё равно потребует высоты, его подвешат на тросах, и если он упадет в воду спиной, будет очень больно.

Чи У нахмурился. Он сам выбрал этот путь, хотел выйти из зоны комфорта и бросить себе вызов. Пути назад не было, приходилось двигаться только вперед, и как бы больно ни было, придется стиснуть зубы и терпеть.

В горах было много насекомых. Фу Шицзин, сидя рядом с ним, внимательно отгонял сценарием мошек, пытавшихся сесть на белые ноги Чи У.

Когда главные герои начали репетицию, площадку начали освобождать. Чи У, прихватив свой стул, отошел вместе со всеми под дерево. Только когда главные герои переоделись в костюмы, он смог разглядеть, кто играет главную роль.

— Цзян Юйчжи? — Фу Шицзин не ожидал, что мир так тесен, что даже здесь можно встретить старого знакомого. — Это тот самый спортсмен?

Чи У сделал глоток арбузного сока, который поднес ему Фу Шицзин, и, взглянув на Цзян Юйчжи, неспешно ответил:

— Мы были знакомы в школе, но после выпуска он, кажется, попал в танцевальную группу. Позже группа распалась, и его заметил режиссер, когда он хорошо проявил себя в театральных постановках на развлекательных шоу. Не ожидал, что он станет такой звездой первой величины.

Фу Шицзин приподнял бровь:

— Откуда такие познания?

Почему он ревнует по любому поводу? Чи У, услышав нотки в его голосе, поспешил объяснить:

— Это сложно назвать познаниями. Он стал популярен еще тогда, когда я только начинал. О нем писали много газет, а когда меня самого отправили в забвение, мне всё равно было нечего делать, вот я и читал эти статьи.

Услышав, как легко Чи У говорит о том, что его «отправили в забвение», Фу Шицзин помрачнел. Казалось, он рассказывает о чем-то совершенно обыденном.

Упасть с вершины в самую бездну — за все эти годы Чи У ни разу не пожаловался. И никогда не упоминал ничего, что было связано с индустрией. Фу Шицзин всегда думал, что у того всё хорошо, что он купается в лучах славы — такой яркий павлин, как он мог не нравиться?

Кто бы мог подумать, что столько хейтеров использовали его чувства, чтобы травить и порочить его имя. Фу Шицзин раньше не обращал на это внимания, потому что был слишком ревнив. Он не хотел, чтобы кто-то еще заглядывался на его павлина, такого ослепительного. Он хотел, чтобы тот принадлежал только ему, чтобы только он мог смотреть и слушать — только

так он мог подавить в себе этот эгоистичный собственнический инстинкт.

Фу Шицзин чувствовал, что сам себе противоречит. Но что бы ни случилось в прошлом, он хотел лишь одного — чтобы Чи У был счастлив. Он поддержит любое его начинание, будет окружать его заботой и возместит всё, что тот потерял.

Чи У наблюдал за репетицией главных героев, как вдруг Фу Шицзин загородил ему обзор. Он отодвинулся в сторону, но Фу Шицзин последовал за ним.

— Ты чего?

— Нечего на них смотреть.

— Сколько тебе лет? Ведешь себя как ребенок.

— ...

<http://bllate.org/book/21738/2247164>